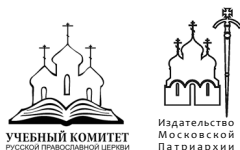

Протоиерей Павел Хондзинский,
А. В. Малышев, В. А. Ячменик

Введение в русскую патрологию

Под общей редакцией
прот. Павла Хондзинского

Москва
2025

ПАТРОЛОГИЯ

УДК 281.93:276

ББК 86.24

В 24

Рецензенты:

прот. Александр Задорнов — канд. богословия, проректор по научно-богословской работе, зав. каф. церковно-практических дисциплин МДА;

прот. Константин Костромин — канд. богословия, канд. ист. наук, проректор по научно-богословской работе СПбДА;

Бежанидзе Г. В. — канд. богословия, канд. теологии, доцент кафедры Общей и русской церковной истории и канонического права БФ ПСТГУ;

Катасонов В. Н. — д-р. филос. наук, д-р богословия ОЦАД.

Научный редактор — **прот. Павел Хондзинский**, д-р богословия, канд. теологии

Коллектив авторов:

Прот. Павел Хондзинский — доктор богословия, канд. теологии, декан Богословского факультета ПСТГУ; Малышев А. В. — канд. теологии, доцент кафедры Систематического богословия и патрологии Богословского факультета ПСТГУ;

Ячменик В. А. — канд. теологии, старший преподаватель кафедры Систематического богословия и патрологии Богословского факультета ПСТГУ.

РЕКОМЕНДОВАНО УЧЕБНЫМ КОМИТЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р26-524-0526

В 24 **Введение в русскую патрологию.** — М.: Учебный комитет Русской Православной Церкви, 2025. — 280 с.: ил.

ISBN 978-5-907880-95-5

Русская патрология как академическая дисциплина изучает наследие русских святых отцов в историческом, богословском и философском контекстах. В рамках этой дисциплины выявляется место русского богословия в Предании Церкви и показывается специфика его исторического развития. Курс охватывает период с XI по начало XX в.

Пик русского святоотеческого богословия, как и вообще русской мысли, приходится на Новое время. В связи с этим преимущественное внимание в рамках курса русской патрологии уделяется Синодальному периоду истории Русской Церкви (1721–1917), особенно XIX и началу XX вв. Авторы показывают, что русская святоотеческая мысль не только отображает многовековое преемство Предания, но и содержит живую реакцию на проблемы и вызовы современности.

Учебник рекомендован студентам, обучающимся в системе высшего образования по направлению подготовки «Теология».

УДК 281.93:276

ББК 86.24

ISBN 978-5-907880-95-5

© Прот. Павел Хондзинский, 2025

© Малышев А. В., 2025

© Ячменик В. А., 2025

© Учебный комитет

Русской Православной Церкви, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. БОГОСЛОВИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ (XI — НАЧАЛО XIII В.)	19
1.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	21
1.2. КОНЦЕПЦИЯ РУСИ КАК НОВОГО ИЗРАИЛЯ	23
1.2.1. БОГОСЛОВИЕ ИСТОРИИ СВТ. ИЛАРИОНА КИЕВСКОГО	23
1.2.2. КИРИК НОВГОРОДЕЦ И ИГУМЕН ДАНИИЛ	27
1.2.3. СВТ. КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ	30
1.3. ХРИСТОЦЕНТРИЧНОСТЬ. КОНЦЕПЦИЯ ПОДРАЖАНИЯ ХРИСТУ В СТРАДАНИЯХ ПРП. НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА	32
ГЛАВА 2. РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ XIV — НАЧАЛА XV В.	35
2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА	37
2.2. СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЭККЛЕСИОЛОГИЯ	39
2.2.1. ВЫСОКИЙ ИКОНОСТАС	39
2.2.2. СВТ. ВАСИЛИЙ НОВГОРОДСКИЙ	40
2.2.3. СВТ. ФОТИЙ КИЕВСКИЙ	41
ГЛАВА 3. РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV — XVI ВВ.	43
3.1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОГОСЛОВИЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ	45
3.2. БОГОСЛОВИЕ ПРП. ИОСИФА ВОЛОЦКОГО.	47
3.2.1. БОГОСЛОВИЕ КРАСОТЫ	47
3.2.2. КРАСОТА В ЦЕРКВИ	48
3.2.3. БОГОСЛОВИЕ УСТАВА	50
3.3. ПРП. НИЛ СОРСКИЙ.	52
3.4. ВИЗАНТИНИЗАЦИЯ	54
3.5. НОВЫЕ МЕТОДЫ В РУССКОМ БОГОСЛОВИИ	56
3.5.1. ПРП. МАКСИМ ГРЕК	56
3.5.2. ЗИНОВИЙ ОТЕНСКИЙ	57
3.5.3. АНДРЕЙ КУРБСКИЙ	58
ГЛАВА 4. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ XVII В.	61
4.1. СТАРОЕ И НОВОЕ В XVII В.	63

4.2. ПОИСКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ	66
4.3. МОСКОВСКИЙ ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ СПОР	67
ГЛАВА 5. СВТ. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И БОГОСЛОВИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ	71
5.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	73
5.2. МАРИОЛОГИЯ	76
5.3. УЧЕНИЕ О КРЕСТНОЙ ЛЮБВИ	77
5.4. БОГОСЛОВИЕ СВТ. ДИМИТРИЯ И «ЛАТИНСКОЕ» БОГОСЛОВИЕ	79
5.5. НАРОД-СТРАСТОТЕРПЕЦ	82
5.5.1. ЧЕТЫ МИНЕИ	82
5.5.2. ПРОПОВЕДИ	83
5.5.3. «КЕЛЕЙНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» И «РОЗЫСК»	85
5.6. ЗНАЧЕНИЕ СВТ. ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО В ИСТОРИИ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ	87
ГЛАВА 6. НАЧАЛО СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ	89
6.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	91
6.2. ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ	93
6.3. АРХИЕП. ФЕОФАН (ПРОКОПОВИЧ)	95
6.3.1. ОСНОВЫ «НАУЧНОГО» БОГОСЛОВИЯ	95
6.3.2. САКРАМЕНТОЛОГИЯ И ЭККЛЕСИОЛОГИЯ	98
ГЛАВА 7. РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.	101
7.1. СВТ. ГЕОРГИЙ МОГИЛЕВСКИЙ	103
7.2. СВТ. ТИХОН ЗАДОНСКИЙ	106
7.2.1. ЖИТИЕ	106
7.2.2. УЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ХРИСТИАНСТВЕ	108
7.2.3. ХРИСТИАНИН И ГОСУДАРСТВО	110
7.2.4. ПРАКТИЧЕСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ	111
7.3. МИТР. ПЛАТОН МОСКОВСКИЙ	112
7.4. СВТ. ИННОКЕНТИЙ ПЕНЗЕНСКИЙ	115
7.4.1. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ	115
7.4.2. АНТРОПОЛОГИЯ И ХРИСТОЛОГИЯ	118
7.4.3. ЦЕРКОВЬ, ЦАРЬ, ЦАРСТВО	120

ГЛАВА 8. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В	123
8.1. ПРП. ПАИСИЙ (ВЕЛИЧКОВСКИЙ)	125
8.2. ПРП. ВАСИЛИСК СИБИРСКИЙ И ПРП. ЗОСИМА ВЕРХОВСКОЙ	129
8.3. БЕСЕДА ПРП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО С Н. А. МОТОВИЛОВЫМ	135
ГЛАВА 9. СВТ. ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ	141
9.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЛАРЕТОВСКОЙ ЭПОХИ	143
9.2. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ СВТ. ФИЛАРЕТА	148
9.3. ОСНОВНЫЕ БОГОСЛОВСКИЕ ИДЕИ СВТ. ФИЛАРЕТА МОСКОВСКОГО	150
9.3.1. УЧЕНИЕ О СЛОВЕ	150
9.3.2. ТРИАДОЛОГИЯ И ХРИСТОЛОГИЯ	152
9.3.3. ЭККЛЕСИОЛОГИЯ	154
9.3.4. БОГОСЛОВИЕ ИСТОРИИ	157
9.3.5. ПУТЬ СВЯТЫХ	159
ГЛАВА 10. СВТ. ИННОКЕНТИЙ ХЕРСОНСКИЙ	163
10.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	165
10.2. НРАВСТВЕННАЯ ХРИСТОЛОГИЯ	167
10.3. НРАВСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	170
10.4. НРАВСТВЕННАЯ ЭККЛЕСИОЛОГИЯ	173
ГЛАВА 11. УЧЕНИКИ СВТ. ФИЛАРЕТА МОСКОВСКОГО	175
11.1. ПРП. МАКАРИЙ АЛТАЙСКИЙ	177
11.1.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	177
11.1.2. ЦЕРКОВЬ КАК МИССИЯ	178
11.2. СВТ. ФИЛАРЕТ ЧЕРНИГОВСКИЙ	181
11.2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	181
11.2.2. АНТРОПОЛОГИЯ	183
11.2.3. СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	183
11.2.4. ДОГМАТИКА	185
11.3. АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ БУХАРЕВ	187
ГЛАВА 12. ВНЕАКАДЕМИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ XIX В.	191
12.1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВНЕАКАДЕМИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ	193
12.2. Н. В. ГОГОЛЬ	194
12.3. А. С. ХОМЯКОВ	198
12.4. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ	203

ГЛАВА 13. ПРОБЛЕМА ПРЕДАНИЯ В НАСЛЕДИИ СВТ. ИГНАТИЯ КАВКАЗСКОГО И РУССКОЕ МОНАШЕСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.	207
13.1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ОТНОШЕНИЕ К ТРАДИЦИИ СВТ. ИГНАТИЯ КАВКАЗСКОГО	209
13.2. БОГОСЛОВИЕ СВТ. ИГНАТИЯ КАВКАЗСКОГО	212
13.2.1. АНТРОПОЛОГИЯ	212
13.2.2. АСКЕТИКА	217
13.3. СВТ. ИГНАТИЙ КАВКАЗСКИЙ И ФЕНОМЕН ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА	222
ГЛАВА 14. СВТ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК И НОВОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ	225
14.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОГОСЛОВСКОГО КОНТЕКСТА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧ. XX ВВ.	227
14.2. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ОСНОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ СВТ. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА	229
14.3. БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ СВТ. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА	231
14.3.1. ОБЩАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	231
14.3.2. СОТЕРИОЛОГИЯ	235
14.4. БОГОСЛОВСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ В НОВОМ РУССКОМ БОГОСЛОВИИ	238
14.4.1. ЕП. МИХАИЛ (ГРИБАНОВСКИЙ)	239
14.4.2. ВИКТОР ИВАНОВИЧ НЕСМЕЛОВ	242
14.5. НРАВСТВЕННЫЙ МОНИЗМ	245
14.5.1. МИТР. АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)	245
14.5.2. ПАТРИАРХ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ)	248
ГЛАВА 15. ОПЫТНОЕ БОГОСЛОВИЕ ПРАВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО И ТРАГЕДИЯ ИМЯСЛАВИЯ	251
15.1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРАВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО	253
15.2. ОСНОВНЫЕ БОГОСЛОВСКИЕ ИДЕИ ПРАВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО	254
15.2.1. «ПРОСТОТА» БОГА И СЛОВО В ЦЕРКВИ	254
15.2.2. СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ	257
15.2.3. СВ. ИОАНН И НОВОЕ БОГОСЛОВИЕ	260
15.3. НАСЛЕДИЕ ПРАВ. ИОАННА И ИМЯСЛАВИЕ	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265

ПРИЛОЖЕНИЕ	271
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	273
ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ ИЛИ ЗАЧЕТУ	278

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1

Изложение основного материала учебника по русской патрологии следует предварить несколькими вступительными замечаниями. Прежде всего, необходимо установить правильное отношение курса к общему курсу патрологии. Патрология, как правило, охватывает церковную письменность, начиная с ее возникновения в I в. и заканчивая временем падения Константинополя, с чем вряд ли можно согласиться по умолчанию.

При всем значении византийской традиции свести к текстам ее представителей (и их предшественников) все богатство Предания Церкви было бы ошибкой. Свой необходимый и важный вклад в него вместе с ними внес не только Запад, но и древние национальные традиции Востока, как, например, сирийская. Позднее к ним добавились авторы *Slavia Orthodoxa* — православного славянского мира, к которому принадлежим и мы.

Не меньшее сомнение вызывает и хронологическое ограничение курса патрологии серединой XV в. Хотя сохранение Предания является важнейшей задачей церковного сознания, считать, что его корпус завершил свое формирование более 5 с половиной столетий назад, также представляется не вполне верным. Церковь не может жить без святых отцов, т. е. тех, чьи сочинения имеют свое непреходящее значение не только для их современников, но и всех последующих поколений христиан. Отсюда возникает необходимость «отыскать» продолжение патристики в ближайшие к нам времена. Этой потребности и отвечает курс русской патрологии.

Понятно, что русская патрология также не исчерпывает всего богатства православной мысли в поствизантийскую эпоху, да и начинается наша традиция значительно раньше, в XI в. Однако можно без преувеличения сказать, что в XIX — первой половине XX вв. русское богословие в силу объективных исторических обстоятельств занимает одну

из ведущих позиций в православном мире, и с этой точки зрения его история может рассматриваться не только как одно из частных ответвлений «большой» патристики, но и как ее прямое продолжение на определенном историческом этапе.

Кроме общей патрологии курс русской патрологии очевидным образом тесно связан с догматическим богословием, историей Вселенской Церкви, историей Русской Церкви и опирается на знания, полученные учащимися при изучении этих предметов. Хронологические рамки курса охватывают период с первой половины XI в., когда появляются первые сочинения русских книжников, до 1917 г., когда русская богословская традиция вынужденным образом прервалась и в XX в. продолжила свое существование большею частью в диаспоре, что является отдельной большой темой, даже по объему не уместяющейся в рамки краткого семестрового курса, а кроме того недостаточно еще разработанной в современной богословской науке вообще.

Согласно определению профессора Киевской академии К. Д. Попова (1849–1911) патрология называется патрологией «не потому, что она обязывалась говорить об одних только отцах Церкви, — она обнимает всех древних церковных писателей, — а потому, что святые отцы — носители, свидетели, истолкователи и защитники откровенной истины в таком виде, в каком она сохранилась в Церкви, — составляют главнейший и существеннейший элемент ее»¹. Сказанное может быть отнесено и к содержанию русской патрологии. В ней будут рассматриваться сочинения не только свв. отцов Русской Церкви, но и работы тех, чьи сочинения по тем или иным причинам имели важное значение для развития традиции в целом. Для авторов учебника водораздел, определяющий выбор авторов, проходил скорее по линии богословие — религиозная философия. К богословам в широком смысле слова мы будем относить тех, кто (пусть не всегда удачно и безупречно) стремился все же выразить в своих сочинениях точку зрения Церкви, а к философам — тех, кто занят был формулированием собственных взглядов по тем или иным религиозным и богословским проблемам. Этим же принципом определяется и отбор литературы курса: в нее не входят работы, посвященные русской религиозной мысли в целом (напр., труд Г. П. Федотова «Русская религиозность»).

¹ См. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 70.

Как бы то ни было, источники курса включают в себя корпус текстов, создававшихся на протяжении тысячелетия. При этом нельзя сказать, что они исчерпывающим образом изданы и хорошо изучены. Это касается текстов не только древних, но и относительно близких к нам по времени. В отличие от *patrologia graeca* и *patrologia latina*, *patrologia rossica* до сих пор не собрана, не обработана и не издана надлежащим образом. Это связано с рядом исторических причин.

Главной из них следует признать выше уже обозначенное представление об исчерпывающем характере византийской традиции, вследствие чего самый интерес к изучению русского богословия формируется достаточно поздно, только во второй половине XIX столетия, и до революции сделано было не так много. Первые достижения связаны с изданием древнерусских текстов, а также сочинений выдающихся святителей XIX в. Тогда же появляются и первые монографии, касающиеся тех или иных отдельных тем истории русского богословия. Более всего исследователей этого периода интересует время второй половины XVII — первой трети XVIII вв., время одного из самых серьезных кризисов в истории русской Церкви и русской истории в целом. Авторам исследований о свт. Димитрии Ростовском, братьях Лихудях, Сильвестре (Медведеве), архиеп. Феофане (Прокоповиче) мы можем быть благодарны и за то, что в приложениях к своим работам они публикуют многочисленные источники, некоторые из которых только в этих приложениях и дошли до нас.

Советское время понятным образом не благоприятствовало развитию богословия. Тем не менее нам следует отдать должное работам советских филологов-славистов, которые издали в «Трудах Отдела Древнерусской Литературы», выходящих начиная с 50-х гг., значительное количество в том числе и богословских текстов домонгольской и московской Руси. В частности, там можно найти полное собрание посланий прп. Феодосия Печерского, сочинений свт. Кирилла Туровского, и др. Важное значение имели также такие серийные многотомные антологии, как «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси», работы Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой, Н. В. Сеницыной, Г. М. Прохорова, А. А. Турилова и другие.

В конце XX — начале XXI в. деятельность по изданию источников заметным образом активизируется, однако она и по сей день далека от завершения. Для примера, мы до сих пор не имеем академического

собрания сочинений свт. Филарета Московского, крупнейшего русского богослова. То же можно сказать и о многих других.

С аналогичными проблемами мы столкнемся и если будем рассуждать об истории русской патрологии как науки. То правда, что автор первого патрологического курса в духовных академиях, свт. Филарет Черниговский, не проводя разделения на общую и русскую патрологию, довел его до свт. Димитрия Ростовского. Однако на фоне общего увлечения древними отцами Церкви в начале XX в. этот подход был забыт. До сих пор наиболее серьезной, хотя и достаточно субъективной попыткой представить историю русского богословия в целостном виде являются вышедшие в середине 30-х гг. прошлого века «Пути русского богословия» прот. Георгия Флоровского.

При многих достоинствах этот обширный труд построен на известной предпосылке о. Георгия, согласно которой быть христианином означает быть эллином. Речь не идет, конечно, об этнической принадлежности к эллинизму, но о том, что с точки зрения о. Георгия, византийская традиция явилась совершенным и в известном смысле абсолютным выражением православного богословия. Вследствие этого и все остальные традиции должны оцениваться с точки зрения их соответствия или несоответствия нормам византийского богословия. К чести о. Георгия надо отметить, что его исследовательская интуиция оказалась во многих случаях глубже и вернее его предпосылок. Так, он высоко оценил личность и наследие свт. Филарета Московского, недвусмысленно указав на святоотеческий характер его богословствования.

Из общих работ можно было бы упомянуть еще «Русскую богословскую науку в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (М., 2002) Н. Н. Глубоковского и «Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия» (Богословские труды. 2002, № 37) Н. Н. Лисового. Оба труда носят обзорный характер и сосредоточиваются только на работах академических авторов, почему и к русской патрологии как таковой имеют опосредованное отношение.

Отдельно следовало бы сказать о работах достаточно активно занимавшегося русской патрологией Н. К. Гаврюшина. При чтении его текстов нельзя не отметить бросающуюся в глаза субъективность, уже даже не концептуальную, а личностную, позволяющую ему, как это ни печально, переходить рамки академической этики в отношении

нелюбимых им авторов, что резко снижает ценность его работ при очевидной эрудированности автора².

При этом в том же XX в. ряд значительных работ по истории русского богословия был написан на Западе. К их числу следует отнести прежде всего монографии таких авторов, как Л. Мюллер, П. Паскаль, Р. Пиккио, Г. Подскальски.

Наконец, историей русской богословской традиции, в центре которой стоит учение святых отцов Русской Церкви, занимаются не первый год и авторы предлагаемого учебника. Он, собственно, и представляет собой прежде всего «выжимку» из их монографий и статей, список которых можно найти в конце учебника.

2

Необходимой частью введения в курс русской патрологии следует считать также минимально необходимые рассуждения о самом способе принятия Русью христианства.

В конце первого тысячелетия по Рождестве Христове христианская миссия выходит за пределы старого античного мира и направляется на северо-восток. При этом мы можем в самом общем виде говорить о двух типах миссии: западной, основанной на включении новых народов в общее латиноязычное пространство Западной Европы, и восточной (византийской), распространяющей христианство путем перевода текстов традиции (прежде всего Евангелия и богослужебных текстов) на языки новых народов. Именно этим путем идет миссия равноапостольных просветителей Руси и других славянских народов, Кирилла и Мефодия. (В исторической реальности все выглядело несколько сложнее, но сейчас для нас это не существенно.) Оба типа миссии обладали своими достоинствами и своими недостатками.

Что касается первого, западного, то, конечно, одной из основных порожденных им проблем, стала проблема недоступности

² Напр.: «В словах Флоровского проглядывают одновременно тенденциозность и противоречивость. И о том, кто же принадлежал к русскому направлению в русском богословии, он умалчивает. Может быть, святитель Филарет (Дроздов), не знавший немецкого языка?..» (Гаврюшин Н. К. Русское богословие. Очерки и портреты. Н. Новгород, 2011 С. 123). См. подробнее: Хондзинский П., *свящ.*, *Audiat et altera pars* — о новой книге Н. К. Гаврюшина // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2013. Вып. 4 (48). С. 162–168.

большинству верующих текстов Писания, что можно рассматривать следствием сословно-аристократического подхода к просвещению, приведшего в том числе к кризису реформации. В то же время латинский язык объединил народы Западной Европы в одну культурную семью, какой они себя, несмотря ни на что, считают и сегодня. Кроме того, существует научная гипотеза, говорящая о том, что именно необходимость преодолевать принципиальную разницу между национальными языками и общим языком церковного, научного, в широком смысле культурного общения — латынью, — стала стимулом к активному развитию образования и возникновению европейских университетов в том числе.

Несомненным преимуществом византийской миссии в этом отношении являлась доступность евангельского слова новым народам. Хотя церковнославянский язык никогда не был языком разговорным, тем не менее речь шла о различии двух наречий одного и того же языка (диглоссия), а не о ситуации двуязычия (билингва) как на Западе. Следует кроме того согласиться с протопр. Иоанном Мейендорфом, обратившим внимание на литургический характер византийской миссии. Успешная проповедь Евангелия подразумевала, что на новом месте начинает прежде всего совершаться богослужение также на языке доступном и понятном новопросвещенным христианам. Кроме этих рациональных преимуществ следует упомянуть и то, на которое обращал в свое время внимание свт. Филарет Московский. В одном из написанных им когда-то тропарей для канона свв. равноапостольным Кириллу и Мефодию он подчеркивал, что их трудами «жизнь и дух евангельские вошли в письма словенское». Именно этим таинственным вхождением можно объяснить одухотворенность древнерусской культуры, пронизанной церковностью на самых разных уровнях.

Однако путь перевода создавал и некоторые сложности для целостного восприятия традиции, — сложности, которые сказались на характерных чертах русского богословия. Как легко понять, невозможно было перевести весь корпус предшествующей тысячелетней христианской письменности, да новым христианам это скорее всего и не было нужно. Поскольку же содержание переводимых текстов определялось прежде всего их сегодняшними потребностями, постольку нередко за границами переводов оставались именно богословские трактаты святых отцов, недостаток которых был осознан только в XVI в., а преодолен не ранее XIX столетия.

Кроме того, если для византийских авторов был крайне важен античный культурный слой, как правило, накладывавший свой смысловой отпечаток на их сочинения (даже гимнографические), то какими бы точными, почти дословными, не были древние славянские переводы, этот подтекст передать в них было невозможно постольку, поскольку для русского книжника он оставался неизвестным и непонятым. Вследствие этого неразрывно связанную с богословием эпохи Вселенских Соборов античную культуру русская традиция начинает последовательно осваивать не ранее конца XVIII в. Все эти объективно существующие лакуны, безусловно, оказали свое влияние на специфику русского богословия.

Современным ученым картина, правда, представляется более сложной. Есть мнение, что до Ярослава Мудрого и на Руси богослужение совершалось не на славянском, а на греческом языке, чем подвергается сомнению и тезис о. Иоанна Мейендорфа о литургическом характере Византийской миссии. Однако это мнение не выражает сегодня общей позиции историков Русской Церкви, и цели нашего учебника вполне позволяют ограничиться приведенными выше устоявшимися взглядами.

При этом следует отметить, что славянский мир принимает христианство от Византии в эпоху так называемого средневизантийского синтеза, эпоху собирания и на определенном этапе итогового осмысления предшествующей традиции, что способствовало целостному восприятию христианства «новыми людьми».

Наконец, быстрому распространению христианства на Руси способствовал и тот факт, что в просвещенной ранее Болгарии значительная часть необходимых текстов уже была к тому времени переведена на славянский язык («первое южнославянское влияние»).

Оговорив эти существенные моменты, мы можем приступить к изложению основного содержания нашего курса.

Данное учебное пособие было подготовлено представителями педагогического состава Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, руководству и профессорско-преподавательской корпорации которого авторский коллектив выражает глубокую благодарность.

ГЛАВА 1

БОГОСЛОВИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ (XI – НАЧАЛО XIII В.)

ГЛАВА 1. БОГОСЛОВИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ (XI – НАЧАЛО XIII В.)

1.1. Предварительные замечания

Древнее русское богословие явилось органичным этапом развития богословия славянского православно-христианского мира (*Slavia Orthodoxa*), к которому оно относится как часть к целому. Если первые шаги *Slavia Orthodoxa* связаны с миссией в IX в. свв. Кирилла, Мефодия и их учеников, с просветительской деятельностью болгарского царя Симеона, что географически соответствовало границам Великой Моравии и древней Болгарии, то русское богословие зарождается в период Крещения Руси при св. князе Владимире, параллельно с начавшимся в XI в. строительством каменных храмов, появлением монастырей, книжности, паломничеств на Святую Землю и самобытных русских проповедников. Естественным центром этой деятельности был Киев. Отсюда принято говорить о начальном периоде истории русского богословия как киевском периоде, хотя некоторые исследователи считают сегодня более корректным называть это время просто эпохой «древней Руси».

Даже если принять точку зрения, согласно которой первое Крещение Руси состоялось не при св. князе Владимире в конце X в., а при князьях Аскольде и Дире на век раньше, то все равно необходимо признать, что с XI в. (точнее, с 1037 г.) Киевская митрополия была однозначно частью Константинопольского Патриархата и таковой оставалась до Феррара-Флорентийской унии с Римом последнего.

В рассматриваемый период Русская Церковь как часть Византийской Церкви была источником христианского просвещения на бескрайних языческих землях от Черного до северных морей. Главным средством приобщения людей к свету Христову являлась Божественная литургия и вообще богослужение, устав которого был воспринят из Византии, а содержание богато вероучительными и нравственно-аскетическими элементами. Вокруг богослужения собиралась духовная жизнь народа,